

Законодательные акты как основа реформ 1860–1870 гг.: историографический аспект

Патия Исмаиловна Абайханова (Магаяева)

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, Карачаевск, Россия, patiya_m@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен исторический опыт государственных реформ, которые являются одной из наиболее актуальных задач российской исторической науки на протяжении всего периода ее развития. Закон от 19 февраля 1861 года не рассматривается как отдельный, изолированный акт, а представляет собой основу модернизации всего государственного строя. Автор отмечает, что изучение законодательной деятельности высших государственных учреждений Российской империи в эпоху фундаментальных реформ 1860-х и 1870-х годов позволяет лучше понять процессы, происходящие в органах власти Российской Федерации сегодня.

Ключевые слова: исторический опыт, крепостное право, национальные окраины, Российская империя

Для цитирования: Абайханова (Магаяева) П. И. Законодательные акты как основа реформ 1860–1870 гг.: историографический аспект // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 17–24. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-17-24>. EDN ZMFANS

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Legislative acts as the basis of the reforms of 1860-1870: historiographical aspect

Patiya I. Abaykhanova (Magayeva)

Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliyev, Karachaevesk, Russia, patiya_m@mail.ru

Abstract. This article presents the historical experience of state reforms, which are one of the most urgent tasks of Russian historical science throughout the entire period of its development. The Law of February 19, 1861 is not considered as a separate, isolated act, but represents the basis for the modernization of the entire state system. The author notes that the study of the legislative activity of the highest state institutions of the Russian Empire in the era of fundamental reforms of the 1860s and 1870s makes it possible to better understand the processes taking place in the authorities of the Russian Federation today.

Keywords: historical experience, serfdom, national suburbs, Russian Empire

For citation: Abaykhanova (Magayeva) P. I. Legislative acts as the basis of the reforms of 1860-1870: historiographical aspect. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):17–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-17-24>. EDN ZMFANS

Буржуазные реформы в России начались с крестьянской реформы, то есть с отмены крепостного права, которое больше всего препятствовало развитию новых капиталистических отношений.

Новый император Александр II, царствовавший в 1855–1881 гг., будучи наследником, занимал умеренно консервативные позиции в отношении крестьянского вопроса. Но, вступив на престол в момент кризиса старой системы, пробуждения общественного сознания,

стремления общества к реформам, он смог осознать ситуацию и начал искать новые решения и новых людей. «Стремление к преобразованиям обуяло всех», – отмечал один из активных деятелей крестьянской реформы 1861 г., будущий военный министр Д. А. Милютин [1, с. 456]. Дворяне, встревоженные слухами о скором освобождении крестьян, обратились к Александру II, на что в ответ 30 марта 1856 г. царь произнес известную московскую речь, в которой прозвучало и знаменитое «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу» [1, с. 456].

В российской историографии отмечается, что подготовка реформы началась в 1857 г., когда был создан Секретный комитет по крестьянским делам. Год спустя он был преобразован в Главный комитет, который опирался в своей работе на провинциальные дворянские комитеты.

В 1859 г. были созданы редакционные комиссии для объединения материалов провинциальных комитетов, главой которых был назначен Н.А. Милютин. Борьба между прогрессистами и реакционерами развернулась в Главном комитете. Первые настаивали на передаче земли крестьянам за выкуп, вторые – на сохранении всей земельной собственности в руках помещиков и освобождении безземельных крестьян. Победило либеральное течение, то есть крестьяне были освобождены от крепостной зависимости и наделены землей. Но обратите внимание, что основная часть земли осталась за помещиками, что предопределило прусский путь развития.

19 февраля 1861 г. был подписан главный законодательный документ – Манифест о даровании свободы крепостным крестьянам и ряд других актов об отмене крепостного права (о покупке земли, о поземельном устройстве крестьян в различных губерниях. Всего было подписано 17 законодательных актов.

Мнение, что крепостное право было «краеугольным камнем» государственного устройства и его атрибутов в отечественной историографии представляется совершенно бесспорным. Однако в этом «сугубо традиционном взгляде», американский историк - русист, специалист по истории русского либерализма видит только «долю правды», так как эта точка зрения «упускает из вида ту самую «идеологию» реформ, которая обычно объединяет все крупные преобразования в одну эпоху и одну систему» [2, с 365-386].

Как известно, данный период вошел в историю страны как эпоха «великих реформ», хотя с определенного времени в научно-популярной литературе употребляется термин «революция сверху». В этой связи в историографии продолжают оставаться нерешенные проблемы, как хронологические границы эпохи реформ, роль Александра II в проведении реформ, их предпосылки, взаимосвязь между ними и их дальнейшая судьба.

Свое видение спорных моментов, связанных с преобразованиями во второй половине XIX в. в Российской империи предлагает исследователь Л. Г. Захарова. В своей статье «Великие реформы 1860-1870-х гг.: поворотный пункт российской истории», автор отмечает, что отмена крепостного права в России в 1861 г. и последовавшие за ней реформы (местного самоуправления, т.е. земская и городская, судебная, отмена телесных наказаний, военная, народного просвещения, цензуры и др.), проведенные в царствование Александра II, – это «перелом», «поворотный пункт» истории России [4, с.151-167].

В то же время важно подчеркнуть, что император оставался ядром государственного механизма самодержавной России в течение обозначенного периода. Его сохранение в руках всех ветвей и рычагов власти предопределило зависимость эволюции политической системы Российской империи от личности самодержца. В конечном счете это привело к незавершенности реформ, переходу к контрреформам и углублению социально-политических противоречий в начале XX века.

Что касается законодательных актов рассматриваемого периода, то высшие государственные учреждения не установили четкого распределения законодательных функций между Комитетом министров, Государственным советом и Правительствующим сенатом. Наряду с этим, высшие государственные учреждения не обладали правом законодательной инициативы.

Как и прежде, значительное внимание было уделено вопросу деятельности мировых посредников в качестве арбитров при разрешении земельных споров между землевладельцами и крестьянами, т.е. правам как на собственность на землю, так и методам ее разрешения.

Среди авторов, занимавшихся этим вопросом, следует выделить А. З. Попельницкого [12], А. А. Корнилова [5], Н. В. Давыдова, бывшего мирового посредника в проведении крестьянской реформы. Эти авторы, признавая важность и прогрессивность реформы, тем не менее затронули ее недостатки [6–7].

После отмены крепостного права в 1861 г., наиболее последовательной из реформ 1860-70-х гг., проведенных в Российской империи, была судебная (1864 год). Вместо сословного феодального суда она вводила новый, бессословный суд, основанный на принципах юридического равенства.

Новые судебные уставы уголовного и гражданского судопроизводства, утвержденные 20 ноября 1864 г. Александром II, гарантировали «суд скорый, правый и милостивый, равный для всех» [8, с. 305]. И действительно, власти стремились к осуществлению этой цели. Создавались институты присяжных заседателей, адвокатов, нотариат» [9, с. 339].

Судебная реформа впервые утвердила в России 4 основных принципа нового права: независимость суда от администрации, несменяемость судей, гласность, состязательность судопроизводства.

Были созданы общие и мировые суды. Мировой суд (в составе одного человека – мирового судьи) разбирал менее важные дела и гражданские иски.

Общий суд состоял из Окружных судов. Судебных палат и Сената. Окружные суды разбирали все гражданские и уголовные дела (кроме особо важных). Судебная палата рассматривала особо важные уголовные и почти все политические дела (кроме особо важных). Особо важные политические дела были подсудны Верховному уголовному суду, который функционировал не постоянно, а лишь в исключительных случаях. Единой кассационной инстанцией для всех судов империи был Сенат.

Известный историк и публицист Г. А. Джаншиев наглядно показал, насколько судебная реформа была необходима стране и её гражданам, и как её восприняли современники [10, с. 133]. Вот как отзывалась о судебной реформе редакция газеты «Вестник Европы»: «Высочайшая власть, совершившая судебную реформу нынешнего года, сделала прочное дело, историком которого останется сам стоустый народ, а нами в летописях народной жизни назовется годом «откуда есть пошла наша правда» [10, с. 130].

Не менее восторженный отзыв о судебной реформе дается в «Русском Вестнике»: «Из всех великих реформ нынешнего царствования судебная реформа наиболее способна коренным образом изменить условие нашего народного и государственного быта, как ни решительны и глубоки были государственные преобразования, предшествовавшие судебной реформе, ей одной принадлежит самый обширный круг действий на все наши общественные отношения, частные и официальные, и вместе с тем на понятие всех классов народонаселения» [10, с. 133].

Реформы в России 1860-х гг. были рассмотрены и освещены авторами всех изданий серии «История государства и права России» [11–12].

В советской историографии немало работ, посвященных отдельно судебной реформе и ее реализации, среди которых следует отметить работу М. Г. Коротких [13]. В ней автор дает общую характеристику состояния российского судопроизводства до судебной реформы 1864 г., отмечает предпосылки его преобразования на основе анализа проектов Д. Н. Блудова, Д. А. Оболенского, анализирует различные подходы к судебной реформе на подготовительном этапе (1859–1861). Он показывает взаимосвязь изменений в судебной системе с другими реформами (с реформами полиции и военной юстиции, частично с крестьянской реформой), тщательно анализирует вопрос подготовки «Основных положений преобразования судебной части в России» (1862), как основополагающего документа реформы 1864 г.

Для полноты картины покажем, как внедрялись новые реформы в жизнь национальных окраин страны. Если в России реформы были вызваны как социально-экономическими, так и политическими причинами, то на Кавказе причины буржуазных реформ были иными. К примеру, предпосылки реформ в высокогорном Карачае определялись не внутренними нуждами развития экономики края, а, прежде всего, экономическими и политическими потребностями России, которая нуждалась в Кавказе как в геополитическом пространстве, обеспечивающем ее границы со стороны Турции и Персии, а также как в источнике сырья и рынке сбыта. В Карачае, как и на всем Северном Кавказе, феодализм еще не вступил в стадию своего разложения, то есть здесь еще не было потребности в ускоренном развитии буржуазных отношений.

Главной задачей проведения крестьянской реформы в национальных районах, как ее понимала российская администрация, было расширение торгово-экономических связей центра России с национальными окраинами в целях формирования общероссийского рынка с разветвленной системой, включающей и отдаленные районы Российской империи. Поэтому экономическая необходимость развития крестьянской реформы в Карачае объясняется интересами бурно развивавшегося российского капитализма. Русская буржуазия нуждалась в новых рынках сбыта для своих изделий. «Крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынки дальше, среди того нового населения, которое колонизировало Новороссию, Юго-Восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д.» [14, с. 592].

Замкнутость натурального хозяйства, его слабая вовлеченность в товарно-денежные отношения тормозили проникновение в горские общества фабричных изделий, препятствовали развитию у них товарного производства. В этой связи, для дальнейшего «распространения сферы господства капитализма на новые территории» требовалась отмена крепостного права и на Северном Кавказе.

Другой важной причиной проведения крестьянской и земельной реформы в Карачае и других районах Северного Кавказа была борьба крестьян за своё освобождение от власти местной знати. Крестьянские волнения принимали всё более широкий характер и доходили до самых глухих аулов. «Дух времени и слухи об освобождении крестьян в России и Закавказском крае возымели свое действие, – писал главнокомандующий на Кавказе военному министру в 1866 г., – и случаи столкновений горских холопов с их владельцами и взаимные жалобы их становились всё чаще и чаще, делая отношения между ними всё более и более натянутыми» [15, Ф. 452. Оп. 1. Д. 1. Л. 35].

Для изучения вопроса об освобождении крестьян на Северном Кавказе в конце 1866г. был создан специальный «Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа» [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 42], председателем которого был назначен генерал-адъютант Карцев. Основная роль в деятельности Комитета отводилась сбору сведений «О родах и степенях зависимости» [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 46] и разработке основных положений по освобождению крестьян, причем работа проводилась так, чтобы не ущемить интересы владельцев. Помощник начальника Кубанской области по управлению горцами П. Г. Дукмасов писал, что в области приступили к вопросу «о средствах и порядке прекращения обязательных отношений зависимых сословий к их владельцам, с возможным меньшим ущербом для господ и без крайнего отягощения крестьян» [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 103].

Сбором сведений по округам занимались чиновники и офицеры Кавказской армии. Эльбрусский округ, в состав которого входил Карачай, был поручен адъютанту помощника главнокомандующего Кавказской армией штабс-капитану Бильдерлингу [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 158], хотя основную работу по сбору сведений по Эльбрусскому округу провел его начальник Н.Г. Петрусевич, который намного лучше разбирался в нормах обычного права карачаевцев и абазин, чем приезжий чиновник.

Завершить свою работу Комитет предполагал к сентябрю 1866 г., но начальник Эльбрусского округа Н. Г. Петрусевич сообщил, что по его округу сведения будут готовы не ранее января 1867 г. [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. ЛЛ. 266-268.].

По итогам сбора сведений Комитет приступил к выработке примерных условий освобождения. При этом знать рассчитывала на освобождение крестьян без земли и за большой выкуп, а крестьяне надеялись на бесплатное освобождение.

Для дальнейшей работы Комитет выработал примерный проект освобождения, для обсуждения условий которого кавказская администрация предложила избрать депутатов от владельцев и крестьян, что, несомненно, придавало видимость гласного обсуждения.

Каждое сословие избирало депутатов «соответственно тому, сколько крестьян было в их руках» [14, с. 283]. Эльбрусский округ выдвинул 12 человек, в том числе от карачаевских владельцев – 6 человек (2 от биев, 3 от узденей и 1 от азатов) и крестьян – 6 человек. Кроме этих 12 депутатов по Эльбрусскому округу были выбраны по 2–3 представителя от абазинских и черкесских крестьян и владельцев. Выборы депутатов состоялись 1 октября 1867 г. С самого начала обсуждение условий вызвало между депутатами ожесточённые споры и разногласия. В основном расходились на выкупных ценах, которые в Карачае, согласно нормам обычного права, были гораздо выше, чем у черкесов. В связи с этим, карачаевские владельцы были довольны ценами, установленными Комитетом. В итоге обсуждения совещание приняло решение о повышении выкупных цен. Так решающим при отчуждении оказалось мнение владельцев, а не крестьян.

Следующим спорным вопросом был раздел крестьянского имущества. И на этот раз совещание поддержало требование владельцев, считавших, что половина крестьянского имущества должна перейти к ним, хотя, как отмечал начальник Эльбрусского округа Н.Г. Петрусевич, «желательно было бы, чтобы имущество крестьян не подвергалось делению пополам между освобождающимися и владельцами» [14, с. 283]. Наконец, был разработан окончательный вариант условий освобождения крепостных крестьян, согласно которому свобода им доставалась за определенный выкуп, уплачиваемый деньгами или отработываемый.

Суть реформы остроумно прокомментировал Г.Ф. Чурсин, сказав: «Карачаевские феодалы взглянули на освобождение крестьян с самой широкой точки зрения и отпустили бывших холопов на все четыре стороны, освободив их от рабства и от земли, на которой они сидели» [14, с. 283].

Таким образом, освобождаемые крестьяне совершенно лишались земельных наделов и не имели возможность выплатить за себя выкуп. Такой подход к решению земельного вопроса не соответствовал положениям Кавказского комитета, согласно которым освобождаемые крестьяне должны были наделяться земельными наделами так же, как и свободные крестьяне, по общинному праву. Во-вторых, этот подход не отменил крепостнический характер дальнейших мероприятий.

Тяжелые условия выкупа грозили полным разорением хозяйству освобождаемых крестьян. «На некоторое время крестьяне останутся в условиях гораздо более тяжелых, чем, в каких они находились до настоящего времени» [15, Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. ЛЛ. 266–268] – писал о сложившейся ситуации начальник Кубанской области. Но даже такие условия выкупа не удовлетворяли горских феодалов, стремившихся совершенно избежать приближающейся реформы. «Освобождение крестьян есть мера, противная желанию владельцев», – отмечал Н. Г. Петрусевич [15, Ф. 452. Оп. 2. Д. 593. Л. 7].

Заключение добровольных сделок началось в Карачае в конце 1867 г. Крайним сроком для их заключения было назначено 1 мая 1868 г. За это время по таким сделкам освободились 980 чел. В течение первых 3-х месяцев 1868 г. было освобождено еще 1381 человек [16, с. 285].

Чтобы обеспечить владельцев на период посевных, уборочных и сенокосных работ рабочими руками, кавказская администрация перенесла установленный срок отмены крепостного права с 1 мая на ноябрь 1868 г.

При проведении крестьянской реформы сказывалось и пренебрежительное отношение царизма к большинству населения национальных окраин. С «Правилами об освобождении зависимых сословий в горских округах Кубанской области» большая часть крестьянства не могла быть ознакомлена. Многие не имели ясного представления о том, как будет производиться освобождение, т.к. «Правила» не были переведены местной администрацией на национальные языки.

Объявление об освобождении крестьян было оглашено 1 ноября 1868 г. в торжественной обстановке. Начальник Кубанской области объявил о том, что с этого дня крестьяне считаются свободными. Однако это торжественное провозглашение свободы не соответствовало истинному положению вещей. Крестьяне не могли почувствовать себя свободными, так как условия выкупа были очень тяжелыми. Это волновало и кавказскую администрацию, которая опасалась народных волнений. «1 ноября прошло и даже без серьезных недоразумений между освобождаемыми и их бывшими владельцами» [Ф. 774. Оп. 1. Д 653. Л. 27], – отмечалось в рапорте и. о. начальника Кубанской области генерал-лейтенанта В. Н. Своева.

Для заключения обязательных сделок об освобождении крестьян с первых чисел ноября 1868 г. приступил к работе мировой посредник, прибывший в Карачай специально для урегулирования различных конфликтов.

Намерение кавказской администрации провести реформы в течение 1868 г. не соответствовало реальной действительности, так как фактически реформа только начиналась в конце 1868 г. Для действительного освобождения от своих владельцев крестьянам еще нужно было выплатить огромные суммы или их отработать.

Таким образом, анализ результатов отмены крепостного права в Карачае показывает нерешенность аграрного вопроса и после реформы. Наблюдается дальнейшее ухудшение уровня жизни основной части населения. Кабальные методы эксплуатации бывших крепостных крестьян и рабов привели к обострению социальных противоречий в обществе и его дроблению на новые классы. Но даже такая частичная отмена крепостного права была прогрессивным явлением. В Карачае и других высокогорных районах Северного Кавказа она покончила с рабством, частично освободила крестьян от крепостной зависимости, подорвала основы патриархально-феодальных отношений, разорвала замкнутость натурального крепостнического хозяйства, способствовала втягиванию горского населения в систему всероссийского рынка.

Закон 14 декабря 1893 г. лишил крестьян права требовать выдела своего участка из общинного землевладения после внесения всей выкупной суммы, данного им статьей 165 «Положений» 19 февраля 1861 г. Этим закрывалась реальная возможность освобождения крестьян от власти «мира» и утверждения прав частной собственности крестьян на наделенную землю. Наряду с консервацией общины, законом 1886 г. «О порядке разрешения семейных разделов» укреплялась патриархальная власть главы большой крестьянской семьи. Все эти меры не соответствовали проводимой Н. Г. Бунге социально-экономической политике, более того, они ставили преграды на пути создания правового государства и гражданского общества.

Таким образом, в течение десятилетий все реформаторские проекты в России выливались в полумеры, и даже великие реформы 1860 – начала 1870-х гг. не вышли за рамки незавершенных либеральных преобразований. Также противоречиво развивалась в России и судебная реформа. В ней также отразилось нежелание чиновных реформаторов решительно расчистить путь для развития гражданских отношений в сфере политики и права. Ещё более сложным оказалось проведение судебной реформы на Северном Кавказе, где базис оставался феодальным, а в области права господствовали нормы адата, переплетавшиеся с нормами шариата. Специфика юридических норм народов Северного Кавказа препятствовала распространению на них в полном объеме русского законодательства, что, по мнению чиновников кавказской администрации, не способствовало «полному замирению» этого беспокойного края. К общим причинам, побуждавшим правительство проводить судебно-административные реформы, присоединились и местные причины, обусловленные военно-колониальной политикой русского царизма. Для народов Северного Кавказа судебная реформа явилась самым кардинальным изменением в их жизни, так как внесла в их жизнь, помимо адатов и шариата, более современные нормы уголовного и гражданского законодательства.

30 декабря 1869 г. в Кубанской области, куда входил и Карачай были введены судебные уставы, изданные 20 ноября 1864 г. в России. Однако они были распространены только на русское население области, а что касается горского населения, то в тот раз судебная реформа их не коснулась. С 1 января 1871 г. горское население Кубанской области перешло в гражданское

управление. Одновременно с введением гражданского управления в горских округах вводились и новые судебные учреждения – Горские Словесные Суды. Аналогичные ранее существовавшим так называемым «народным судам», Горские Словесные Суды имели мало общего с судебными уставами 1864 г. Новые суды вводились, якобы, временно, до полного, как писалось, распространения русского законодательства. В соответствии с этим, для руководства работой судов 18 декабря 1870 г. было обнародовано постановление о введении в Кубанской и Терской областях «Временных правил Горских Словесных Судов», утвержденных кавказским наместником. Но это снова были очередные временные правила, вводившиеся до внедрения судебных уставов 20 ноября 1864 г. В этой связи, во «Временных правилах Горских словесных судов» уточняется, что «предусмотренные уложением о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1866 г.) и отнесенные уставом уголовным судопроизводством 20-го ноября 1864 г. к ведомству окружного суда проступки и преступления изъемяются из ведения горских судов» [17, с. 435].

Исследование показало, что судебная реформа 60–70-х годов XIX в. на Северном Кавказе, вызванная политическими потребностями России, подменяемая различными временными правилами, так и не была распространена на горское население Кубанской области. Русские суды и законы не всегда были последовательны в своих решениях, и попытка сочетать их с местными адатами не всегда получалась удачной. Это было связано с тем, что одни и те же законодательные акты в пределах одной страны применялись по-разному. Введение на Северном Кавказе с 1869 г. судебных уставов по российским образцам 1864 г. не ликвидировало сословности горского суда. В преобразованиях судебной системы на Северном Кавказе имели место консерватизм и непоследовательность. Главными причинами, тормозившими проведение кардинальной реформы горских судов, были различная подсудность населения Кубанской и Терской областей, смешение гражданского и уголовного судопроизводства, вмешательство в судопроизводство администрации.

Справедливости ради отметим, что историография накопила богатый фактический материал, множество ценных выводов и наблюдений, которые позволяют сделать вывод о том, что реформы 60–70-х годов XIX в., проведенные в Центральной России, в том числе и на Северном Кавказе, представляют собой сложное явление. И поэтому их нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, они ломали традиционное устройство горских обществ, но, с другой стороны, эта ломка была исторически оправдана. Несмотря на ограниченность, это были действительно великие реформы, которые изменили коренным образом всю жизнь страны, в том числе и горских народов Северного Кавказа. Они помогли горским народам подняться на более высокую ступень общественного развития.

Вместе с тем изучение данной проблемы остается фрагментарным и изолированным. Сопоставление результатов исследований, анализ работ по различным реформам, более внимательное отношение к знаниям, уже сложившимся в историографии, совместно с расширением круга источников могут дать новые подходы и новые ответы на ряд дискуссионных вопросов в этом направлении.

Список источников

1. Ключевский В. О. Курс Русской истории. Т. 3. М., 1993. 456 с.
2. Эммонс Т. «Революция сверху» в России: размышления о книге Н. Эйдельмана и о другом // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 365–386.
3. Захарова Л. Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории // Отечественная история. 2005. №4. С. 151–167.
4. Попельницкий А. З. Первые шаги крестьянской реформы // Великая реформа. Ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М., 1911. Том 5. 311 с.
5. Корнилов А. А. Деятельность мировых посредников // Великая реформа. Ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М., 1911. Том 5. 311 с.
6. Рогов В. А. История государства и права России XIX – начала XX в. М.: Зерцало: ТОО «ТЕИС», 1995. 263 с.

7. Развитие русского права во второй половине XIX-начале XX века / Отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1997. 364 с.
8. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. 305 с.
9. Пушкарев С. П. Обзор русской истории. Ставрополь, 1993. 339 с.
10. Джаншиев Г. А. Из истории судебной реформы. М., 1883. 130 с.
11. Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юрист, 2004. 797 с.
12. Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1991. 653 с.
13. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа в России. Воронеж, 1989. 183 с.
14. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. М., 1971. 592 с.
15. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф. 452. Оп. 1. Д. 1. Л. 35; Оп. 2. Д. 593. Л. 7.; Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. ЛЛ. 42, 46, 158, 266-268, 27.
16. Невская В. П. Карачай в XIX веке. Черкесск, 1966.
17. Памятники права народов Северного Кавказа. Т.10. Памятники права Карачая/ [сост. и авт. предисл. П. И. Абайханова (Магаяева)]. М.: ООО Изд-во «Перо», 2012. 435 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01005594121>

References

1. Klyuchevsky V. O. *Course of Russian history*. Vol. 3. Moscow; 1993. 456 p. (In Russ.)
2. Emmons T. "Revolution from above" in Russia: reflections on the book by N. Eidelman and others. *In thoughts about Russia (XIX century)*. Moscow; 1996:365–386. (In Russ.)
3. Zakharova L. G. The Great Reforms of the 1860s and 1870s: a turning point in Russian history. *Russian history*. 2005;(4):151–167. (In Russ.)
4. Popelnitsky A. Z. The first steps of peasant reform. In: *The great reform*. – Edited by A.K.Dzhivelegov, S.P.Melgunov, V.I.Picheta, Moscow; 1911. Volume 5. 311 p. (In Russ.)
5. Kornilov A. A. Activity of world intermediaries. In: *Great reform*. – Edited by A.K.Dzhivelegov, S.P.Melgunov, V.I.Picheta, Moscow; 1911. Volume 5. 311 p. (In Russ.)
6. Rogov V. A. *History of state and law of Russia of the XIX – early XX century*. Moscow: Mirror: TEIS LLP, 1995. 263 p. (In Russ.)
7. *Development of Russian law in the second half of the XIX-early XX century*. Ed. by E. A. Skripilev. Moscow: Naukaj 1997. 364 p. (In Russ.)
8. Eroshkin N. P. *Essays on the history of state institutions of pre-revolutionary Russia*. Moscow; 1960. 305 p. (In Russ.)
9. Pushkarev S. P. *Review of Russian history*. Stavropol, 1993. 339 p. (In Russ.)
10. Dzhanshiev G.A. From the history of judicial reform. Moscow; 1883. 130 p. (In Russ.)
11. Isaev I. A. *History of state and law of Russia*. Moscow: Jurist; 2004. 797 p. (In Russ.)
12. Isaev I. A. *Political and legal utopia in Russia (late XIX – early XX century)*. Moscow; 1991. 653 p. (In Russ.)
13. Korotkov M. G. *Autocracy and judicial reform in Russia*. Voronezh; 1989. 183 p. (In Russ.)
14. Lenin V. I. *The development of capitalism in Russia*. Moscow; 1971. 592 p. (In Russ.)
15. *The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK)*. F. 452. Op. 1. D. 1. L. 35; Op. 2. D. 593. L. 7.; F. 774. Op. 1. D. 653. LL. 42, 46, 158, 266-268, 27.
16. Nevsky V. P. *Karachai in XIX century*. Cherkessk; 1966. (In Russ.)
16. *Monuments of the law of the peoples of the North Caucasus*. Vol.10. Monuments of the law of Karachai. [comp. and author's preface by P. I. Abaykhanov (Magayeva)]. Moscow: LLC Publishing House "Pero", 2012. 435 p. <https://search.rsl.ru/ru/record/01005594121>. (In Russ.)

Информация об авторе

П. И. Абайханова (Магаяева) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева.

Information about the author

P. I. Abaykhanova (Magayeva) – Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Russian history, Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliyev.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 24.11.2023.